Colloquium Area "Modern Studies in Fiction Literature Translation"

ОБРАЗЫ ПРАВДЫ И ИСТИНЫ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» /

IMAGES OF TRUTH AND REALITY IN M. SHOLOKHOV'S EPIC NOVEL "QUIET FLOWING DON"

Tatyana SUZANSKAYA, Associate Professor, PhD
("Alecu Russo" Balti State University, Republic of Moldova)

suzanskaia@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8730-8571

Received: January 8th, 2026 | Reviewed: January 9th, 2026 | Accepted: January 9th, 2026
UDC 821.161.1.09-31"18"(092) | https://doi.org/10.62413/cqm.2026.19

Abstract

The study examines the meanings of the verbal images *pravda* and *istina* in Mikhail Sholokhov's epic novel *And Quiet Flows the Don*. Approximately 180 relevant instances of usage are identified, which allows *PRAVDA* to be regarded as the central concept of the work. The key aspects of this concept are distinguished as follows: (1) the *pravda* of eternal natural life, closely connected with social existence; (2) the *pravda* of humanity as a spontaneously formed form of popular law, representing a certain minimum of nationwide justice; (3) Christian *pravda,* understood as moral and ethical truth; (4) private *pravda*, that is, the justification of the existence of a particular individual. These and other variants of the concept of *pravda* are analyzed in correlation with *ISTINA* (*absolute truth*), which embodies the eternal – a certain absolute, an invariant, something immutable, universal, and present everywhere and at all times.

Keywords: *meaning, image, novel, concept, existence*

Толковые словари русского языка фиксируют богатство значений слов *правда* и *истина*: *соответствие действительности, справедливость, честность, неподкупность, добросовестность, праведность, законность, правота, правильность, безгрешность, искренность, соответствие поступков требованиям морали, чести, долга*. В романе-эпопее М. Шолохова «Тихий Дон» актуализируются лексичкские единицы, представляющие все многообразие названных смыслов: мы насчитали около 180 соответствующих словоупотреблений, что позволяет говорить о ПРАВДЕ как важнейшей идее произведения, стержневой его кон-

цепции, основном лейтмотиве, главном словообразе, ключевой теме и опоре художественного мира романа. Характерно также, что в лексемах *праведность* и *православие*, особенно значимых для главных шолоховских героев, в единое целое связаны такие семантические доли, как *правота* и *святость*.

Под художественной концепцией произведения мы понимаем единство его философско-эстетических концептов. В науке сложилось определение концепта как некой идеальной сущности, мыслительного феномена. *Концепт* шире *понятия,* так как в нем отражены представления многих носителей конкретной культуры или отдельного человека, а представление (например, Григория Мелехова и других героев о правде) связано с субъективным началом, с широким спектром самых разных субъективных ассоциаций.

О семантических различиях слов ПРАВДА и ИСТИНА пишет Н.Д. Арутюнова в работе «Истина и судьба» в сборнике «Понятие судьбы в контексте разных культур (1996, с. 306). *Истина*, по мнению автора, констатирует вечную и неизменную норму мира, а *правда* относится ко всем проявлениям человеческой жизни, как к позитивным, так и ее аномалиям, сбоям, случайностям, она проявляется в приложимости к миру человека нравственного закона.

В исследованиях о романе-эпопее, начиная с 90-х гг., вычленяются несколько аспектов рассмотрения исследуемых словообразов. По Е. Тамарченко (1990) это следующие:

1. *Правда вечной природной жизни*, тесно переплетаемая с социальным миром (мирным бытом, войной, революцией), которая пронизывает весь человеческий мир и торжествует в неизменном круговороте «жизнь – смерть».
2. *Правда человечества* как единого целого, как стихийно и естественно сложившееся народное право, минимум общенародной справедливости, «человечья правда», как говорят герои Шолохова: «хочешь живым быть, из смертного боя целым выйтить – надо человечью правду блюсть… чужого на войне не бери – раз. Женщин упаси бог трогать…» (Так старый казак говорит молодым).
3. *Христианская правда-нравственность* как высокая ценность, которой могут пренебречь «в годину смуты и разврата». Старик Чумаков рассуждает об этом так: «Ну, мыслимое ли это дело: русские, *православные* люди, сцепились между собой и удержу нету. (Отметим, что шолоховская эпопея и в этом плане органично вписывается в контекст русской классической литературы с её особым вниманием к христианской идее.)
4. *Частная правда*, т.е. неизменная оправданность существования конкретного человека, его семьи, общины, сословия, например, «казачья правда», во имя которой поднялось восстание на Дону.

Эгоистически отстаиваемая частная, «малая» правда осуждается автором и народом, она меркнет в свете общенародной и шире – общечеловеческой – правды. Тем не менее Шолохов не обходит стороной частную правду и подробно исследует различные проявления частных «правд», например, так

называемые «женские вариации» частной правды, воплощенные в образах Аксиньи, Натальи, Дарьи, Дуняши. Аксинья жертвует своим добрым именем во имя большей и высшей, по ее мнению, правды, – правды любви. Наталья отстаивает правоту верной жены и матери. Образ Дарьи – пример ошибочного выбора, выбора ложной правды, мнимой ценности: «Мне без этого нельзя… Мне казак нужен…» – говорит она, переступая через свое доброе имя жены и невестки ради инстинкта пола.

Как частная и относительная воспринимается автором и главным героем эпопеи «большевистская правда». Она не связана с универсальными человеческими ценностями: милосердием, добротой, любовью, единением людей, мировой гармонией, общинными и семейными идеалами. Однако и в «белом» движении Шолохов не находит справедливости и абсолютной нравственной или социальной правоты. Сталкивающиеся «правды» различных социальных групп поочередно проходят перед Григорием, подхватывают его, поглощают собой, а затем разрывают его душу горьким и трагическим осознанием величайшей неправоты и несправедливости любого насилия. В кровопролитии и политических страстях эпохи войн и революций личность теряет себя, нивелируется, человек утрачивает право выбора своего пути. При этом человеческая жизнь обесценивается и значит, как таковая, теряет смысл.

Концепция и словообразы правды в «Тихом Доне» проникнуты народным духом и мудростью, народными мыслями и образами, сложившимися с древнейших времен, и выражены в облике народного героя, являющегося целиком носителем народной правды.

Образ Мелехова каждой своей чертой высвечивает идею народной правды, «под крылом которой мог бы посогреться всякий». Вместе с тем правдоискательство в судьбе Григория подвергается сильнейшим испытаниям: «Меня совесть убивает. Я под Лешнювом заколол одного пикой. Сгоряча… Иначе нельзя было… А зачем я энтого срубил?.. Срубил зря человека и хвораю через него, гада, душой», – делится он с братом Петром душевными переживаниями после убийства австрийца».

Метания героя в поисках правды бросают его из стороны в сторону: вот он, смелый и удостоенный царских наград воин, осознает ложь самодержавной политики в годы Первой мировой войны, вот – казак, поверивший белым, а затем отказавшийся воевать на их стороне, Мелехов понял, что для белых недовольное казачество – лишь карта, разыгрываемая в классовой борьбе. Не по нутру ему и большевики, стремящиеся к такому же насильственному утверждению своей власти и уничтожающие огромную часть крестьянского населения под видом раскулачивания. Наконец, совершенно чужим и случайным человеком он оказался в банде Фомина.

Удивительное обаяние Мелехова состоит в том, что на этом сложном жизненном пути, проходя через череду «частных правд», он оказался искренним человеком, стремящимся всеми силами сохранить в себе лучшие человеческие качества. Шолохов писал о своем герое: «Я хотел рассказать об

очаровании человека». Для характеристики Мелехова писатель использует множество приемов, особенно интересна, на наш взгляд, лексика самооценки в речи героя и оценки персонажа окружающими. О себе он говорит: *белая ворона; блукаю я, как метель в степи, от белых отбился, к красным не пристал, так и плаваю, как навоз в проруби* и т. п. И в глазах окружающих его облик словно дробится: то он *лютый для советской власти враг*, то *неотесанный казак*, то *случайный в среде белых офицер* или *инородное тело в банде*, а также *чудак, святой, несчастный человек* и т.д.

Утратами, болью, душевными ранами, непреодолимым одиночеством платит Григорий за уяснение сути высокой и простой *истины,* заключающейся в мирном труде, в Доме, в привычной жизни на родном хуторе, в детях, в единстве с природным миром. Он истерзан и физически, и душевно тем, что сеет смерть вместо того, чтобы сеять хлеб. Его неудержимо тянет к себе родная земля и родные люди, он с удивлением разглядывает свои руки пахаря, держащие оружие.

Шолохов мастерски и очень точно показывает, что путь к малой, частной правде для Мелехова – это путь тупиковый. Как только он решил, что «у каждого своя правда, своя борозда» (фрагмент, посвященный решению Григория участвовать в восстании против красных, т. III, часть 6-я, гл. XXVIII), все его существо охватывают негативные, разрушающие душу чувства: слепая ненависть, бешенство, злость.

В финале произведения читатель видит совершенно другого человека: «Что ж, вот и сбылось то немногое, о чем мечтал бессонными ночами Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына… Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром. Родной дом, сын, земля, весь мир – так Шолохов обозначил все, что составляет для героя-правдоискателя *истинные* ценности. В этом ряду находится и истинная любовь, но в силу роковых обстоятельств она была принесена в жертву.

Итак, в чем же смысл шолоховского слова о *правде* и *истине* в «Тихом Доне»? На наш взгляд, он состоит в следующем:

1. Своя, малая, частная правда либо отвергается, если она эгоистична, либо не проходит испытания, как, например, у Аксиньи или Натальи, героини погибают. Классовая или сословная правда имеет право на временное существование, она и не содержит всей полноты.
2. Христианская правда-нравственность крайне важна для шолоховских героев, но она не может восторжествовать во всей полноте в эпоху переворотов, войн, социальных потрясений.
3. Вершинной авторской мыслью является идея народной «человечьей» правды, мечта о мире, в котором человек связан прекрасными отношениями со своим народом, родной землей и природой. Мелехов выписан автором как представитель народа, в котором кристаллизуется идея правды. В свете данной идеи роман читается как «текст Правды» (выражение Н. Арутюновой).

4. *Выше ПРАВДЫ – лишь ИСТИНА*, аккумулирующая в себе вечное, всегда и всюду пребывающее, неизменное, подлинное, общечеловеческое, абсолютное. Такого абсолюта Мелехов не достиг, да и не мог достичь.

Подобная иерархия соотносима с системой «Инвариант – варианты» (Красикова/Krasilova, 2004). Истина – это инвариант, абсолют, варианты – все прочие разновидности, частные «правды».

Кстати, абсолюта не смог достичь даже положительно прекрасный, максимально близкий к идеалу Мышкин Достоевского. Очевидно именно такую истинную правду имеет в виду Достоевский, сказавший: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее… несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее».

Литература

Арутюнова, Н. (1994). Истина и судьба. В: *Понятие судьбы в контексте разных культур* (с. 302-316). Издательство «Наука». https://www.klex.ru/mgr / Arutyunova, N. (1994). Istina i sudba. B: *Ponyatie sudby v kontekste raznyh kultur* (pp. 302-316). Izdatelstvo «Nauka». https://www.klex.ru/mgr.

Красикова, Е. (2004). Концепт судьба в космологии М.Ю. Лермонтова. *Вестник МГУ*, 9(5) / Krasikova, E. (2004). Koncept sudba v kosmologii M. Lermontova. *Vestnik MGU*, 9(5).

Тамарченко, Е. (1990). Идея правды в «Тихом Доне». *Новый мир*, 6 / Tamarchenko, E. (1990). Ideya pravdy v «Tihom Done». *Novyj mir*, 6.